ЭКСПЕДИЦИЯ ВО МРАК
II ЧАСТЬ – ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ПРОПАСТЬЮ

3. НЕЙЛОНОВАЯ ДОРОГА ВНИЗ

2. НА КРАСНОЯРСКОМ ОСЕЛКЕ

Если Володя Киселев распахнул для нас двери своей библиотеки, то другой Володя – Резван, оказал поддержку новой в Союзе технике действием.

В ноябре 86-го года мы с Резваном оказались в самом сердце спелеологической Сибири и Дальнего Востока – Красноярске. После ряда успешных учебных мероприятий на Кавказе Резван был приглашен красноярцами руководителем семинара инструкторов. Так что сражаться за SRT теперь предстояло на "чужой" территории. Более того, нас ожидала нелегкая задача пропаганды техники одинарной веревки с официальной трибуны Всесоюзного ранга, в то же время не вступая в открытое сражение с существующими спелеотуристскими правилами.

В Красноярск съехались представители спелеоколлективов всей страны – от Киева до Владивостока. Будущие инструкторы, наставники. Хочешь отстоять свою школу – учи учителей. Легко сказка сказывается...

Что там говорить – не только в кейвинге все новое с трудом пробивает себе дорогу. Скованный административным диктатом самодеятельный туризм стал зеркальным отражением общей обстановки в стране того времени.

* * *

В 1986 году хождение по одинарной веревке, а, следовательно, SRT, все еще официально запрещено. За соблюдением "законности" зорко бдит цензура маршрутно-квалификационных комиссий. Весь парадокс в том, что в их составе – такие же общественники, любители, с теми же проблемами, горестями, мечтами. Зачастую – это друзья по совместным экспедициям, что называется – не чужие люди.

Порочность системы самодеятельного, спортивного туризма проявлялась не только в наличии двух противостоящих кланов: "официальных" и "диких", но и в необходимости при официальном оформлении документов идти на всевозможные искажения, подлоги, приписки и недописки в маршрутной документации. Что было делать? Выполнить все многочисленные требования для того, чтобы соответствовать формальным требованиям, было почти невозможно. При желании всегда можно было найти слабое место и у самой подготовленной команды.

Но если МКК "зарубит" маршрут – пропадет отпуск, затраченные на подготовку время и средства, рухнут планы, не подтвердится разряд или не состоится еще один шажок к заветному званию. Значит...

Проще всего было "грамотно" все написать, а уж идти как получится. К простой мысли выйти из системы туризма приходили не все, тем более, что "дикари" подвергались всевозможным гонениям. Элементарное право человека перемещаться по территории своей страны ущемлялось вплоть до полного уничтожения. Не говоря уже о праве каждого из нас на риск, праве распоряжаться своей жизнью и личной безопасностью. Если общество заинтересовано в сохранении моей жизни, почему бы ему не действовать убеждением, а не насилием? Если, конечно, это общество претендует на право называться демократическим.

Правила игры мне были хорошо известны. Но врать надоело. Заявочные документы на первую нашу SRT- экспедицию в Киевскую я заполнил честно. Ну, почти честно. Во всяком случае, количество веревок для штурма я указал натурально – в расчете на одинарную навеску.

И вдруг звонок – междугородний! На проводе Москва.

– Костя, привет! Тут ваши документы пришли.

– Приятно слышать. Значит, Алма-Ата пропустила.

Еще одна бюрократическая черта системы: необходимость посылать документы по длинной цепочке инстанций – местная МКК, городская, областная, республиканская, центральная... И каждая – каждая! – могла, придравшись к какой-либо помарке или неточности, "завернуть" документы на доработку. Раз вернут, второй, а потом и вовсе, сославшись на нарушение процессуальных правил – например, сроков присылки документов на рассмотрение, выдадут отказ в рассмотрения с предложением переноски сроков – что равносильно запрещению: отпуска-то просто так не перенесешь! Аналогично растягивались сроки рассмотрения и зарубались отчеты о совершенных путешествиях, саботировалась выдача неугодным справок и так далее.

– Да, Алма-Ата пропустила, а мы тут тебе поправочку одну внесли, не удивляйся: "работа разрешена только с самостраховкой по второй веревке". Сам понимаешь.

– Конечно, конечно...

Естественно, московские друзья знали, на что мы идем и что собираемся делать. Но знали и правила игры. Случись что с нами – не только мне, как руководителю экспедиции, не сносить головы. Под удар попадут и члены МКК, поставившие свои подписи на наших документах – как просмотрели, как выпустили на маршрут?! Сделав же в наших маршрутках эту запись, ребята из ЦМКК снимали с себя ответственность. И правильно делали. Никто не должен отвечать за промахи другого. Только тогда будет ясна подлинная цена и причины ошибки. Отвечать должны истинные виновники. Отвечать за себя, за свою работу – отвечать по всей строгости. Не переваливать ответственность за свои грехи на других.

Горы не терпят кривды. Но чем дальше от гор, тем ее больше.

* * *

Ну, конечно, – возразят мне. А кто должен отвечать за ошибку, если пострадала группа? Кто отвечает за ошибку, повлекшую несчастье с другим?

Для меня ответ очевиден: отвечает тот, кто допустил ошибку.

Интересный вопрос. Особенно, если приложить его к политическим деятелям.

И хотя мы говорим о кейвинге, думаю, что правила ответственности едины для всех видов человеческой деятельности. А если кто-то пытается обосновать исключения – значит, здесь не все чисто и чьи-то рыльца уже готовы порасти шерстью.

Кейвинг разнолик. Коллективное сплелось с индивидуальным – нет одного без другого. Нести бремя ответственности за своих товарищей, так или иначе, приходится каждому.

Чем менее зрел коллектив – тем более тяготеет он к формализованному единоначалию. Более того – единоначалие становится единственно возможной формой его успешной деятельности.

Казалось бы, все хорошо и удобно: вот он руководитель, он все знает, всем и всеми командует, а потому за все и отвечает. А мы в стороне. Мы в горах отдыхаем!

Истинные друзья не взвалят груз на одни плечи, будь это рюкзак или ответственность. Лучший способ поделить ее по справедливости – каждому отвечать за себя и свои действия.

Высшая форма коллективизма – коллектив равных товарищей. Кто испытал счастье общения с себе равными, с независимыми, но устремленными к единой цели в едином действе людей? Кто пережил – знает, и меня поймет.

И еще есть такая работа – инструктор. Инструктор – это, прежде всего, учитель и наставник. Здесь ответственность входит в профессиональную специфику, меняется качественно. Что бы ни натворил подопечный – виноват инструктор: недоучил, не предусмотрел. Детский сад? Похоже. Такая работа.

Но тоже – в пределах профессиональной сферы.

Между инструктором и руководителем добровольно собравшейся группы – существенная разница.

Однако, вернемся к нашим "баранам".

* * *

"Добро" Москвы мы получили. Коротенькая приписочка в графе "Особые указания" маршрутки означала еще одно отягчающее обстоятельство в случае неудачи нашего эксперимента. Еще ничего не случилось, еще даже не началось, а бюрократическая система уже приготовилась к броску в ожидании удобного момента, чтобы, если что, – придушить новое начинание в зародыше.

Когда Валентин Алексинский уходил в Сумган, не оставив никого на поверхности – он тоже рисковал. Как и мы, он в корне нарушал существующие инструкции, и также находился под незримым гнетом угрозы репрессий.

Сегодня работа под землей всей группой – обычная практика. Дозрели: если нет насущной необходимости караулить на поверхности погоду, если нет реальной опасности неожиданного катастрофического паводка, в пещеру уходят все. С этим сейчас нет проблем.

Но – SRT?

Плевать, что весь мир так ходит – у нас НЕ ПОЛОЖЕНО!

* * *

Мы рисковали и выиграли.

Сентябрь. Съедены праздничные пироги с надписями "–1000" и "–700". Мы получили бесценный опыт. Мы спешим поделиться. Но как?

Пишу письмо Марченко (*167). Долго нет ответа. Новогодняя почта, как всегда, перегружена. Но и на присылку отчета есть свои сроки: просрочишь – пеняй на себя.

Наконец, звоню в Москву.

– Привет! Как сходили? Отлично. Рассказывали уже? Данила? Мы на Сувенире встречались. Болгары? Гуд! Я вот, собственно, что... Отчет пишу. Что писать – правду или что требуют? Правду? А не зарубят? Все равно, никто, кроме вас, не читает? Понял. Ну, хорошо, на обложке слово "SRT" писать не буду, а остальное все как есть. Спасибо!

* * *

Еще один штрих. Если полистать пришедшие в адрес любой МКК отчеты о совершенных в то время путешествиях, безуспешно искать в них описания совершенных на маршруте и выявленных самой группой ошибок, анализ аварийных ситуаций, аварий. Может быть, за исключением непринципиальных мелочей, которые удалось быстро распознать и успешно устранить.

Нет в отчетах такой информации. И быть не могло. Кому захочется добровольно подставляться под удар? За такие подробности, того гляди, не засчитают поход, а то и дисквалифицируют. И все пойдет насмарку. Нет уж, напишем все правильно, без вредных подробностей и деталей. Вот и справочки в кармане!

Справки за совершенное и защищенное в МКК путешествие были важным итогом в системе советского спортивного туризма. Именно на основании этих листочков бумаги с прямоугольными печатями присваивались вожделенные спортивные разряды и мастерские звания.

Результатом такой лакировки было одно: из отчетов уходило самое ценное – опыт поражений. Информация об ошибках передавалась по беспроволочному телеграфу, из уст в уста. И только когда уже не скроешь, когда ошибка скреплена тяжелой травмой или гибелью, тогда все. Тогда оживают официальные сводки, приводятся в действие жернова бюрократической репрессивной машины.

На чем же учиться? Как сберечь бесценный опыт неудач?

Чтобы не повторять.

Александр Берман в своем прекрасном сборнике "Среди стихий" (*168) очень точно сказал:

"Опыт в оценке опасностей добывается путем анализа несчастных случаев. И слишком дорого стоит этот опыт, чтобы его терять, умалчивая".

Если мы хотим учиться не только на своих, но и на чужих ошибках – надо избавиться от страха. От боязни еще какой-то дополнительной "туристской" расплаты за ошибку. Хватит, наверно, уголовного кодекса, когда он по закону вступает в силу. Хватит. Большинство из нас идет в горы все-таки отдыхать. Отдыхать душой от повседневности.

* * *

Единственное, что мы могли реально противопоставить официозу в спортивном туризме – это выход из его рядов.

Не хотелось. Долго казалось, что как-нибудь сможем и так.

5 ноября 1986 года в Москву в адрес председателя Центральной комиссии спелеотуризма уходит моя докладная записка: "О практике техники одинарной веревки (СРТ) в СССР".

Новый год – стихия малоуправляемая и разрушительная для любого вида деятельности. Время тянулось, а я ждал.

Только 4 февраля 87-го получаю долгожданное письмо от Марченко:

"Костя, дорогой, приветствую тебя.

Я молчу, как рыба, но все же дела несколько двигаются.

1. По SRT – решение спелеокомиссии от 19.12.86 (протоколы будут отправлены ЦСТиЭ по всем советам) "Одобрить инициативу Усть-Каменогорска по разработке методики работы SRT".

2. В решении опять-таки записали (думаю, добьем), включить дополнительно в Комиссию 3-х человек: Усть-Каменогорск – Серафимов, Киев – Климчук, Красноярск – Корначев.

3. По отчету работы в Киевской (SRT). Мой совет – писать, как было – сделана реальная работа, но с припиской: "Параллельно навешивалась (в одной первой точке) вторая линейная опора для страховки. То есть даже с учетом маятников вариант формальную сторону пройдет..."

Ну, в Центральную спелеокомиссию меня Казтурсовет не допустит, не дадут нам вместе поработать.

А вот за "Одобрить" – спасибо! Это официальное признание нашей работы.

Вот только отчет я уже послал. Без SRT на обложке. А в остальном все честь по чести, без всяких вторых веревок – пусть будет, что будет. Надоело хитрить.

* * *

Но Колино письмо пришло позже, а пока – первым ответом – приглашение на семинар инструкторов в Красноярске. Дерзайте! Попробуйте силы на красноярском орешке!

Как и большинство сибирских и алтайских промышленных городов, зимой Красноярск неуютен – серый снег, серые дома, серое небо. Енисей – свинцово огромен. В непогодном мареве его берегов проступают контуры знаменитых "Столбов": окаменело застыл Токмак, еще какие-то вершины, названия которых сплетаются в особый красноярский узор.

Но сколь неприветлив внешне город, столь же гостеприимны красноярцы. Краевой клуб спелеологов на улице Мира, 98, – радушный дом для приезжих. Сколько лет приходим мы сюда проездами экспедиций – в клубе идет ремонт. У входа, невесть откуда взявшиеся, кучи земли. Потом только узнали – копают мужики. Выкопали уже несколько комнат на "минус втором этаже" под подвальным помещением клуба. Спелеологи расширяются.

* * *

Говоря "Красноярск" – думаешь "Столбы". Среди съезжающегося и населяющего Красноярск бродячего люда этот сиенитовый рай скалолазов давно превратился в символ города. Красноярская школа скалолазания выросла из "столбизма" так же, как московская школа кейвинга взросла из подмосковного "катакомбизма". Трудно сравнивать эти два явления, но что-то общее безусловно есть. Разве что столбизм, как и вообще все с удалением от центра (вот странная закономерность!) – как-то чище и духовней, что ли. Надежней, основательней.

Кто из красноярских спелеологов не был на Столбах? Кто не прошел общение с ними? А ведь столбизм по туристским и альпинистским правилам СССР тоже всегда оставался вне закона, потому что исконно проповедовал лазание без страховки.

Да, настоящий столбист работает без страховки. Это не рисовка, не лихачество, не поза. Не приверженность к клану. Работа на отвесе без страховки – это философия тончайшего психологического настроя. Это полный самоконтроль и самоотчет. Это тончайшее ощущение грани, которую не стоит переходить, так как за ней риск становится нерегулируемым.

Не так. Риск – это всегда случай. Это действие с неизвестным исходом, не до конца ясным результатом, если нет уверенности в благополучном исходе затеянного.

Нет уверенности – на столб без страховки не пойдешь. Той сиюминутной уверенности, что сможешь – квинтэссенции всего предыдущего опыта, самопонимания, тренированности тела и нервов. Идя в неизведанное новым ходком – ты должен быть уверен, что хотя бы вернешься. Ходок – вариант последовательных зацепов на скале и приемов их использования, единственно возможных для успешного преодоления участка. Наиболее известные ходы по столбам часто имеют свои названия: "Алилуй", "Авиатор", "Уголок"...

Ты должен быть уверен, что хотя бы вернешься, чтобы повторить попытку. Слишком очевидны последствия, чтобы рисковать.

Так что же такое – риск? Действие, исход которого невозможно предсказать? В этой трактовке риск на вертикали и за шахматной доской – неразличимы.

Стоп! Само понятие "Риск" как-то трансформируется в зависимости от рода деятельности: приобретает некую окраску, аромат, вкус, и тем выходит из разряда безликого действия с неизвестным вероятностным исходом. В чем же разница?

В цене ошибки.

В нашем преложении риск – всякое действие под знаком потенциальной опасности для жизни. В кейвинге, на скалах опасность очевидна. Не очевидна степень вероятности превращения ее из потенциально возможной в уже свершившуюся реальность.

Вероятность и момент. И конкретная причина.

При истинно свободном, без страховки, лазании риск безусловен. Но больше ли он риска при лазании со страховкой? Едва ли. Потому что во всяком экстремальном действии есть неписаные правила, сознательно нарушать которые не станет никто. Это не формальные городульки бюрократов от туризма. Также как и законы SRT – они выписаны кровью. Таблички у входов пещер, надписи на приметных скалах столбов – память о тех, кто ошибся. Или нарушил правила: не знал их или пренебрег. Цена одна – по самому высокому прейскуранту.

И снова Александр Берман:

"Я подумал, что вообще исконно-естественно для человека быть предельно внимательным, а за четкость своих движений отвечать жизнью. Цивилизация отучила нас от этого. И искалечила..."

Цивилизация подарила нам веревку и тут же связала ею по рукам и ногам. Нам вообще свойственно перебарщивать. Что там одна веревка – давайте уж две. А то и три – для надежности!

Коллективная ответственность – самая распространенная форма персональной безответственности.

В кейвинге веревка не роскошь, не придурь цивилизации. Если не увлекаться. Если не превращать ее из средства безопасности в самостоятельный источник аварий.

* * *

Отправляясь в Сибирь, думал – Поймет ли нас Красноярск, один из бастионов эктремального скалолазания? Примет ли технику, по существовавшим понятиям не менее экстремальную?

И вот – семинар. С чего начинаются красноярские семинары? Правильно – с экскурсии на Столбы. Автобусы ИПК завозят нас со стороны речки Базаихи, по преданию названной так по имени одной из красавиц дочерей царя Енисея. ИПК – Красноярский филиал института повышения квалификации работников туристско-экскурсионных организаций.

"Это был "ИПиКантный семинар!" – говаривал Резван.

Кресельной канаткой поднимаемся в район Диких Столбов. Заснеженными тропами соснового леса идем, минуя скалы с причудливыми названиями. Гена Иконников, наш куратор от ИПК, сам спелеолог, инструктор и скалолаз, останавливается перед "Перьями" – изящным и очень известным столбом. Смотрим вверх на отвесные скалы.

– Тут не очень трудно, – говорит Гена. – Выходишь в распор, поднимаешься вон там, видишь? Потом перекидываешься и вылезаешь. Если не перекинешься, то не вылезешь.

– А если не вылезешь, – задумчиво кивает Резван, – то "перекинешься"... А?

Смеемся.

– Да ну! – говорит Гена. – Тут каждый выбирает себе маршрут согласно умению, желанию...

– ...И количеству выпитого! – С Резваном сегодня невозможно дискутировать.

– Пойдем, хитрушку одну покажу! – Иконникова тоже непросто обескуражить. – Специально для начальника семинара.

Хитрушки – коротенькие скальные ходы, есть практически на каждом столбе. Обычно они имеют свою особую ценность в скалолазании, свою изюминку. Наши семинаристы один за одним пробуют заскочить на простую с виду глыбу и... поочередно валятся в снег.

С ходу и хитрушку не возьмешь, а тут – SRT.

* * *

Красноярск отнесся к новой технике сдержанно. Мнения резко разделились. Поддерживающее нас, так сказать, "левое" крыло возглавил Владимир Викторович Коносов – тот самый, что предпринимал попытку пронырнуть донный сифон Киевской. В его отделении – второй "эскадрилье", стажером инструктора работал и пропагандировал SRT Володя Кочетов. Но основанием "плацдарма" SRT в Красноярске стал Коносов.

Одного из своих старейших спелеологов, Владимира Коносова, Красноярск приобрел в результате просчета ВВС. Командование списало летчика-истребителя Коносова на 23-м году службы – за два года до воинской пенсии. Куда было податься? Сколько выброшенных из привычной жизненной колеи людей в аналогичной ситуации теряли себя, шли на поклон Бахусу, деградировали, не в силах найти новое место в жизни. Коносову повезло – он попал к спелеологам.

Можно сказать и иначе – спелеологам повезло, к ним пришел Коносов. Участвовал в первопрохождении Назаровской без гидрокостюмов, о котором мы упоминали ранее. Видел легендарное "зеркало" в донном сифоне Киевской. Выл участником многих экспедиций на Кавказе и в Средней Азии. Универсала-станочника высочайшего разряда – его покорила изящность приспособлений и устройств, используемых в SRT.

Володя долго вертел петцелевский зажим:

- Сделаю!
Прикинул на вес "мэйон рапид", поцарапал ногтем маркировку:
- Номер "10", номер партии, что ли?
- Номер диаметра, - пояснил Резван. - Партия у нас одна...
Были такие времена.

Первым из красноярцев пятидесятилетний Коносов опробовал в Торгашинской систему подъема "Дэд" и остался доволен. И системой, а более всего тем, что утер нос молодежи.
Однако другие красноярцы, а их было большинство, сохраняли заинтересованный нейтралитет.

* * *

На учебно-тренировочный выход в Торгашинскую пещеру взял SRT-эшное снаряжение и другой инструктор-красноярец - Геннадий Иконников. Наши старания и интересно оборудованный белоусовцем Юрой Бессергеневым в пещере Баджейская скальный полигон для занятий на одинарной веревке сделали свое дело. Иконникова зацепило.
Перед выездом Гена зашел в наш с Резваном гостиничный номер. Взял обвязки и зажимы для "Дэд", подумал, отложил в сторону свои:
- Если не возражаете, - сказал он, - то я оставлю у вас часть своих вещей.
- Конечно, не возражаем, - Резван скосил глаза на иконниковские самохваты. - Нам эти вещи очень пригодятся!

...Спускаемся пешочком по лестнице гостиницы "Красноярск" с нашего 9-го этажа - лифт, как всегда перегружен. По времени все уже должны собраться внизу у автобусов. Нас вихрем обгоняет новосибирец Коля Шабанов из первого отделения, торопится.
- Смотри-ка, - глубокомысленно замечает Резван. - Оказывается, кроме нас, еще кое-кто помнит слово "лестница". Хотя давно уже на самохватах ходят!

Нет, наверно, таких мест в Торгашинской, где еще не побывали красноярские спелеологи. Ее пространственный лабиринт и прост, вроде, - с той же Снежной не сравнишь. А поди - пролезь! Есть тут, как и на столбах, свои хитрушки и ходки. Иконников почти все помнит назубок, проходит, как и любой старожил клуба, на память, свободным лазанием. Даже входной 40-метровый колодец.
- Вот была хохма! - усмехается Гена, пока мы на бодрящем морозце готовимся к спуску. - Как-то я во Входном примерз. Представляешь? Поднимался свободным. А зима была, мороз наверху покрепче, чем сейчас. В самой середине колодца, там надо в щель вжаться. Дохленькое такое место. Кто-то окликнул меня, что ли? В общем, остановиться пришлось. Ну, я руку в щель вбил, в кулак ее - и заклинил. Выяснил, что надо, подниматься было ...дерг! А рукавица-то примерзла в щели! И руку не вытащить. Кое-как отодрал!

В этот заезд отделение Иконникова шло по маршруту: Входной колодец (40 м) - спуск (30 м) из грота Снежного в грот "Жуткий треугольник" (там на потолке плита такая треугольная висит) - "Первый трамвай" (катишься по каменной катушке, как по рельсам, звенишь) - потом направо в 15-метровый колодец под названием "Ловушка Вставского" (некто Вставский в него улетел по неосторожности), далее "Червяк", "Чулок", а там - "Буфетный камин" (20 метров вверх на распорах) и - грот "Буфет". Потом направо-вниз по "Второму трамваю", спуск на 30 метров в Большой зал. Перекус, подъем из Большого зала и по "Первому трамваю - на выход.
По силам отделение у Гены было среднее, хоть и на инструкторов приехали учиться.
- Ты в предчувствия веришь? - рассказывал Иконников после того выхода. - Не было у меня никаких предчувствий. Но я, когда иду с группой по этому маршруту, всегда подстраховываюсь немного. Вот и сейчас, народ в Ловушку поспускался, я им

объяснил, куда дальше, а сам бегом через "Второй трамвай" в "Буфет" – веревку на камин навесил. Знаешь, там 20 метров все-таки, а у меня в отделении девочки...

Сижу, значит, над Буфетным камином, жду. По всем расчетам должны мои орлы уже подходить. Ан нет! Тихо там внизу. Поорал для порядку. Нет никого. Чувствую, пора идти выяснять. Вдогонку идти долго – пошел навстречу. Спустился на распорах в камин: там нормально идется, только самый верх узковат – трудно расклиниться, чтобы не выпасть. Спустился – никого. Пошел дальше. Поднимаюсь к Чулку – слышу! Шумоток идет, где-то мои гаврики бьются.

Чулок – это щель такая вертикальная – надо ее по горизонтали верхом проходить, снизу узко совсем. Так вот сидит в Чулке наша Ира. Хорошо сидит. В низ щели сползла, дерг-дерг! Ни с места. В общем, часа полтора мы на этом деле потеряли. Хорошо, что там выше в гротике пара таких толстых колов лежало – от спасработ остались, что ли. Так сначала мы с Иры запасной блок батареек из-под комбеза вырезали, а потом вагами ее из щели приподняли. Знаешь, как машину из топи? Вот точно. Пропихнули!

Отдышались малость, народ по Чулку просочился – под камин подошли. Из всех моих Янис, из Прибалтики откуда-то, самый с виду здоровый. Говорю ему – я, мол, первым пойду, за мной Ира, а ты следом поднимайся и, если что, ее подстрахуй.

Сказано – сделано. Все честь по чести: лазание с самостраховками. Я ж не зря веревку повесил. Ну, пошли. Ира за мной, да шустро так, не скажешь, что в Чулке зимовать собиралась! Ну, Янису сам Бог велел, скребется. Вылез я через горловину в Буфет, сел. Только сел, слышу внизу: ш-шурх!

– Кто? – кричу.

Ира мне:

– Янис сорвался! На самостраховке завис!

Ну, думаю, с кем не бывает? Сейчас разопрется, выйдет из зависания и дальше. Там не то, чтоб очень скользко.

Слышу, опять Ирка зовет. Висит, говорит, Янис, не может никак. Не охота мне было второй раз по камину вниз идти, да делать-то нечего. Прошел горловину, глянул, мать честная! Знаешь, что он учудил? Он самостраховку на грудной пояс прицепил. Инструктор будущий, трам его тарарам. Руки в стороны – и чуть не хрипит уже!

Кричу Ирке, чтобы закрепилась – там, где она сидит, полочка такая маленькая на самом верху – а сам мимо вниз. Кое-как ноги ему в стены распер, чтобы он приподнялся, зажим отжал, ну и потихоньку-помаленьку вниз.

Сползли. Все, говорю, хватит скалолазания! Я сейчас поднимаюсь, помогу Ире. Всем остальным пристегнуть зажимы и по одному наверх.

Снова наверх лезу. Уставать даже стал от такого темпа, жарко. Ире все еще раз показал, куда руки, ноги.

– Поняла? – спрашиваю.

– Поняла, – говорит.

– Выйду, – говорю, – тебя сверху, если что, поддерну.

– Поняла, – говорит.

Втиснулся я в очередной раз в горловину, вылез в Буфет, сел на камень, пар валит.

– Пошла! – кричу.

А она:

– Ге-ена! У меня свет погас!

Ну, можешь себе представить? Опять вниз... А ты думал? Не до SRT...

Есть такая работа – инструктор.

* * *

Гостиница "Красноярск", ночь. Семинар закончен, семинар прощается. Откуда-то доносится гитара, приглушенный смех. В нашем инструкторском номере громовой хохот. Мешаем спать простым смертным постояльцам, но сил нет, когда собирается такая компания.

– Кто-то из моей второй эскадрильи на экзамене сморозил, – Коносов хитро блестит лукавым глазом. – Если, отвечает, узость имеет поворот налево, то ползти надо на левом боку. Почему? – спрашиваю. А, говорит, легче. За счет подвижности спинного мозга!

– Это был удар гораздо ниже пояса! – смеется Резван. – Ты, конечно, сломался, и поставил "зачет"?

– Понятное дело! – улыбается Коносов. – Своя же эскадрилья...

– Нет, Вовка, – говорю я, – шутки шутками, а на многие вопросы, что в билетах, я и сам бы не ответил – "двойку" бы схлопотал.

– Так потому тебе и доверяют только принимать экзамены, а сдавать – нет!

– Слушай, Гена! – говорит Корначев. – В следующий раз надо перед началом семинара проводить вступительный экзамен...

– Правильно! – смеется Резван. – Который для многих будет одновременно и выпускным!

Стук в дверь.

– Войдите!

Дергают запертую изнутри дверь. Резван:

– Ну вот, закрытую дверь открыть не могут!

Из общего гула выступает голос Коносова:

– ...Слушай, не было еще ни одной узости, из которой бы я не вышел!

– Ну, учитывая твое здесь присутствие, это ты убедительно сказал! – отзывается Юрий Иванович Ковалев, долгие годы бывший председателем Красноярского Краевого клуба спелеологов, а нынче наш завуч. – Предлагаю карстоведческо-медицинский тост.

– Это как?

– Выпьем ле-Карст!

– Вот-вот, послушаем лучше товарища Ковалева! – подхватывает Иконников.

– И выясним: не гражданин ли он!.. – хмыкает Резван. – Слышь, Константин, надо было всем надежным людям в характеристиках указать: "...В связях со сторонниками SRT замечен не был!"

Откуда-то снизу доносится песня. Узнаю сочиненный в эти дни гимн семинара. На мотив известной песни Булата Окуджавы дружно выводят приглушенные голоса:

В Енисейский простор
Смотрит дом высотой
Этажей на пятнадцать-шестнадцать.
В доме том по ночам
Слышен шум, слышен гам,
Всем портье спелеологи снятся.

Торгашинской "Червяк"
Тело скручивал так,
Что хрустели и ноги, и руки.
А Буфетный камин
Видел много картин
И слыхал неприличные звуки!

Все, что было, прошло.
В чем-то нам и везло,
И гитара заходится в хрипе.
Можно вспомнить опять,
Ах, зачем вспоминать...
Расстаемся до нового СИПа!

***167 Николай Андреевич МАРЧЕНКО** – третий после В.В.Илюхина и А.И.Морозова и последний в СССР председатель Центральной спелеокомиссии Всесоюзной Федерации Самодеятельного Туризма ЦСТиЭ.
***168 А.Е.Берман** "Среди стихий" Москва, "ФиС" 1983г.

Константин Борисович Серафимов
"ЭКСПЕДИЦИЯ во МРАК"
www.sumgan.com